

Содержание

ЧАСТЬ I

Клара Цеткин в Сыромятниках (Вместо предисловия)	11
Чудеса	16
Поезда дальнего следования	17
Мой муж Даниил Ефимович Мелаид	22
«Скромняга» Сталин и «Хапуга» Жуков	131
Столярный клей	134
Мерзавец из советского прошлого	137
Поздний сталинизм, или Дьявольский трагифарс	143
Мудрец	180
«Окончательное решение» и «план ОСТ»	183
Эмиграция	205
Почему Сталин старался забыть о войне с нацистской Германией	224
Язык мой — враг мой	229
Случай в «Ленинке»	271
Я перевожу книжечки	274
Когда я была маленькая	318

ЧАСТЬ II

Момент гордости	331
Квартирный вопрос и операция «Обмен»	334
«Далеко от Москвы» и в Москве	350
О фальшивомонетчиках-переводчиках	358
ИМЭЛ	367
Борис Пастернак	371

Содержание

Власть штампов	385
Об одном романе Людимины Улицкой	387
Инцидент с «Лайкой»	407
Умных матерей не бывает	419
Робинзон Крузо	422
О невезучем журналисте Давиде Заславском и об эпохе, в которой без- грешных праведников не могло быть по определению	425
Обслуга	446
Еще не в 1990-е, а при советской власти	449
Зачем??	455
Дуньки в Европе	457
Деньги	459
В пустыне Негев	461
Случайности и флюиды	463
Всплеск фашизма	467

КЛАРА ЦЕТКИН В СЫРОМЯТНИКАХ (Вместо предисловия)

Эту историю поведала мне замечательная женщина и прекрасная актриса Лена К. Понятно, что в моем пересказе история очень многое теряет. Теряет уже потому, что я чисто лишена артистического дарования: не могу воспроизвести ни интонаций, ни мимики, ни жестов, которые были в рассказе моей дорогой подруги. Все равно. Попробую донести хотя бы фабулу рассказа.

1975 год. Москва. Советская власть уже в смягченном, брежневском, варианте. Но многое все еще неизменно, в частности — праздники.

Заметим, у советских людей их было до обидного мало — как мы говорили тогда, кот наплакал. Больших праздников два — ну, скажем, два с половиной. Один большой — 7 ноября, День Великой Октябрьской революции. Второй, 1 мая — кажется, День солидарности трудящихся всего мира или что-то вроде того. И еще половина большого праздника — 8 марта, Женский день. И, хотя в этот день все работали, праздник справлялся очень торжественно — а по-моему, был особенно суматошный и дурацкий. В тот праздник мужчинам следовало дарить подарки всем знакомым женщинам. В условиях постоянного дефицита это было необычайно трудно, особенно холостякам. Женатым помогали, естественно, жены. Сослуживицам дарили шоколадки

или несчастные мимозы, ибо других цветов в марте не бывало. А вот с начальницами приходилось поломать голову.

Однако тут я отклонилась от основной темы. Итак, праздников было мало — то есть я имею в виду больших всенародных государственных праздников. И вот, в канун одного из них, а именно — Первого мая, Лена и еще несколько актеров театра «Современник» репетировали «Двенадцатую ночь» Шекспира. Репетиции вел английский режиссер Питер Джеймс, который и у себя на родине, в Англии, ставил Шекспира. Ставил без всяких завиральных идей и вывертов. Но все равно, уже самый факт привлечения английского режиссера для постановки на русской сцене был для СССР чем-то небывало прогрессивным, почти потрясением основ. Но это а propos...

Итак, молодые актеры репетируют Шекспира. А время идет и идет. Уже очень поздно, почти ночь. А назавтра им опять собираться в театре для новой репетиции.

И тут Лена предлагает актерам не разъезжаться по домам, в разные концы Москвы, а отправиться к ней, переночевать в ее маленькой квартирке, которая находится недалеко от театра. И режиссеру тоже советует не ехать в гостиницу, а вместе со всеми отправиться к ней. Так и поступили. И Лена всех уложила спать хотя бы на несколько часиков. Актерам расстелила огромный ковер прямо в холле, набросала подушек, и они улеглись не раздеваясь. Режиссера положила в маленькой комнатке-кабинете. А сама сразу заснула у себя в спальне.

Но прошло всего несколько часов, как вдруг в дверь к ней постучал напуганный режиссер-англичанин.

— Лена, вставай скорее. На улице что-то происходит... Там кричат... Кого-то зовут.... Шум страшный. Что-то случилось. Пожар! Война! Землетрясение!

Надо сказать, что квартира Лены была в доме на шумной Садовой, недалеко от метро, но все окна выходили во двор,

кроме одного в кабинетике, который находился в торце здания. А главное, напомним, что дело происходило в канун большого советского праздника 1 мая...

Войдя в кабинетик и приоткрыв окно, хозяйка квартиры сразу все поняла: тудящиеся собирались на демонстрацию.

И тут я попытаюсь воспроизвести ее диалог с ничего не понимавшим Питером Джеймсом.

— Они все время кричат «Клара Цеткин». Кто этот Клара Цеткин?

— Это женщина, немка, друг Ленина.

— Немка? Друг Ленина? Друг Ленина — немец? Немка? И она еще жива? Сколько же ей лет?

— Давно умерла, по-моему.

— Давно умерла? Они вызывают дух Цеткин? Ночью? Но почему так громко, ведь все спят? И почему целой толпой? И на середине улицы?

— Да нет же, они вызывают не дух. Это фабрика Клары Цеткин. Тут за домом такой район, фабричный, называется Сыромятники.

— У Цеткин фабрика? Она друг Ленина — капиталистка из Сыромятники? Не понимаю, совсем не понимаю...

— Я же говорю, тут фабричный район и фабрика имени Клары Цеткин. Коммунистки, друга Ленина.

— Совсем не понимаю. Она, Цеткин, имеет фабрику в фабричном районе? Но почему ее поднимают среди ночи с постели? Ах, да! Она давно умерла. И они вызывают ее, как дух отца Гамлета... Короля?

— При чем здесь Гамлет? Гамлет здесь совершенно ни при чем и король, отец Гамлета, тоже. Ради бога! Я говорю о живых людях. Я говорю, что на улице собирают фабричных. Слышите? Сейчас созывают рабочих с завода «Серп и молот».

— Молотов? Ваш министр? Разве он не в отставке? Немец Клара Цеткин и министр Молотов! Опять война? А где Риббентроп?

Но ведь его в Нюрнберге повесили! Клянусь, я у вас в Москве сойду с ума. Клара Цеткин. Молотов. Ленин... Крики на улице в пять часов ночи...

— И ничего это не пять часов ночи. Это уже шесть часов, почти полседьмого утра. И людей с фабрик и заводов собирают, чтобы идти на Красную площадь. Приветствовать...

— Зачем идти на Красную площадь? В шесть часов утра? И с Молотовым, и с Цеткин?..

Прослушав этот рассказ о «глупом» англичанине, который, видимо, так и не понял, что советские люди в два самых главных праздника собирались еще в полной темноте у своих фабрик, заводов и учреждений, чтобы вместе с родным коллективом дойти до Красной площади — а главное, чтобы пройти по ней перед мавзолеем, где недвижно стояли вожди.

Что? «Пройти по ней», то есть по Красной площади, «перед мавзолеем»? На самом деле, много раз проделав сей путь, я ни разу не проходила перед мавзолеем — я всегда перед ним пробегала. Так уж было задумано.

Сперва мы шли, шли и шли. Стояли, стояли и стояли. Потом опять шли и шли. А как только оказывались рядом с мавзолеем, начинали бежать, слыша крики: «Скорей! Скорей!» Не дай бог остановиться — на тебя набегут очередные шеренги. А при выходе с Красной площади, возможно, выдернут из толпы и затолкают в воронку. Только тебя и видели...

Однако это последнее, насчет воронка, — домысел. А все остальное — чистая правда.

К сожалению, если Питер Джеймс оказался таким «непонятливым» потому, что он был англичанин, то есть из другого,

Клара Цеткин в Сыромятниках (Вместо предисловия)

капиталистического, мира, то сейчас многие люди не хотят понимать прошлого, потому что они родом совсем из другой эпохи, можно сказать, с другой планеты.